

Небо над кратером Бужье, замаранное следами войн тысячелетней давности, подернутое ядовитой дымкой и словно затуманенное тоской, напомнило Гидраку о дне, когда он осознал, что ненавидит Марс.

Ветер гнал пыльную бурю, насыщенную тоннами загрязненного марсианского шлака, волнами вздымающегося над дальней стороной кольцевого вала. Не позже, чем через час, металлические чешуйки опустятся в чашу кратера Бужье сухим, удушливым покровом.

Разумеется, у команды Гидрака имелись средства защиты, но ничто не могло с полной уверенностью предохранить их от коварной марсианской пыли. Хотя они с Авророй и облачились в талларнские пустынные комбинезоны и куфии песочного цвета, в последующие недели им придется вытаскивать из кожи друг друга острые частички металла.

Гидрак, стоявший на гребне вала из выброшенного грунта, поднес руку к оправе поляризационных очков, настраивая мультиспектральный обзор в попытке проникнуть взглядом за стену надвигающейся бури. Впрочем, он понимал, что это бессмысленное занятие — кузня Басири, мощный комплекс производственных зданий, никогда не прекращала работу, упорно разоряя окружающий ландшафт.

Конечно, всё, что сейчас видел Гидрак, представляло собой мутный, вишнево-красный ореол, светящийся на внутренней стороне очков. Триста километров пустоши, покрытой воронками, отделяло его от могучей кузни магоса Альхазена, но проведя немало времени за изучением пиктов, предоставленных Энариком (и уделив намного больше внимания детальным планам, которые Симокатта раздобыл в глубочайших слоях ноосферы), адепт не мог не воссоздавать в воображении жемчужные и нефритовые минареты, золотые башни и геодезические купола мануфакториумов Басири.

Там, за стеной бури, в этом центре военной промышленности, днем и ночью трудились миллионы техножрецов, сервиторов и законтрагованных рабов, создавая бронетехнику Астра Милитарум и машины Легио Титаникус.

Не без труда преодолев крутой спуск с гребня, Гидрак направился по неровному дну воронки к временному лагерю. Его дыхание звучало затрудненно, и в этом стоило винить долгие часы, проведенные в подключении к когитатору, перебор со стимуляцией желез, нехватку сна и слишком серьезное нервное напряжение.

Гидрак знал, что он не в лучшей форме. Конечно, для адепта не составило бы труда воспользоваться своими навыками и заполучить достаточно средств для анатомических улучшений, перестраивающих тело, дюжины благодетельных омолаживающих процедур или операции, способной покончить с его стим-зависимостью.

Но Гидрак ничего не менял в себе, поскольку ему нравились мелкие напоминания о собственной человечности и постепенные изменения, говорящие о том, что жизнь конечна и стоит наслаждаться ею, пока есть время.

Помедлив, адепт осмотрел верхние отроги кратера, переключив визор на обнаружение человеческих невральных контуров. Никого не было видно, но Гидрак по-прежнему держал ладонь на обрезиненной рукояти плазменного пистолета типа «Ярость». На этом задании оружие не требовалось, но в пустошах между кузнями всегда существовала возможность встречи с какими-нибудь недружелюбными типами, а размер их лагеря вполне мог привлечь нежелательное внимание.

Издали он ничем не отличался от тысяч других мест раскопок археотека, разбросанных по поверхности Марса, но вблизи картина полностью менялась.

Сборные жилые фургоны располагались ёлочкой под бьющимися на ветру хамелеолиновыми тентами, переливающимися неровным смещением красного, охряного и темно-коричневого цветов. От внимательного орбитального сканирования они защитить не могли, но успешно поддерживали иллюзию того, что лагерь принадлежит обычному клану кочующих техно-мусарей.

Три фургона действительно представляли собой простые, грубые, но эффективные убежища для сплоченной семейной группы — в них команда Гидрака держала сервиторов. Четвертый же, предоставленный им магосом Энариком на время этого задания, на самом деле являлся герметично закрытым модулем нейрохирургии, в котором ждали своего часа специалисты-хирургеоны. Пришлось серьезно поработать над его внешним видом, чтобы соблюсти маскировку.

Зарытые в грунт генераторы обеспечивали энергией покачивающиеся гирлянды люменов в ветрозащитных фонарях, протянутые между убежищами, и древние землеройные машины располагались в двух импровизированных укрытиях, высеченных в скале.

В третьем убежище скрывалось транспортное средство, более быстрое и продвинутое, чем мог позволить себе любой из копающихся в грязи техно-мусарских кланов, но его сохраняли от обнаружения по-настоящему замысловатые технологии.

Гидрак брел вдоль траншей, вырытых сервиторами этим утром. Границы земляных работ отмечались рядами ячеистых проволочных сеток, и на ветру трепетали сигнальные флажки, указывающие на перспективные направления раскопок. Их ставили случайным образом, но и при наблюдении вблизи должна была сохраняться видимость поисков археотека.

Спустившись по раздвижной лестнице в самую глубокую траншею, Гидрак проследовал по её склону к висячему квадрату брезента, скрывающему вырезанный в скале проход. Герметично закрытый воздушный шлюз предохранял укрытие от худших воздействий окружающей среды, и к моменту, когда адепт наконец вошел в подземный бункер, его кожа саднила после ультразвуковой очистки от пыли и дезактивации.

Внутри его ждали холодные и стерильные металлические стены неокрашенного коридора, проходящего через всё убежище. По левой стороне располагались четыре одинаковых помещения. Расстегнув ремень с плазменным пистолетом, Гидрак размотал куфию, снял очки

и повесил всё у главного входа.

Проведя руками по небритому лицу и сквозь редящую шевелюру, адепт поднес ладони к глазам. На коже поблескивали богатые кремнием крупинки.

— Проклятый песок.

Вытерев руки о бедра, он прошел в первое из помещений бункера. Под отвернутыми в сторону напольными пластинами открывалось недавно вырытое углубление и проржавевшая оплетка инфо-желоба трехметрового диаметра, уходящего глубоко в марсианскую кору.

Округлые верхние оболочки желоба были аккуратно удалены плазменным резаком, и двое инфоцитов сейчас лежали вдоль гигантской трубы, погрузив свои напоминающие щупальца руки в переплетения проводов внутри неё.

— Добились полного соединения? — спросил Гидрак.

Один из инфоцитов повернул голову, и в его аугментических глазах адепт заметил бегущие полосы статических помех. Кажется, его звали Хиво, но Гидрак не был в этом уверен.

— Ещё нет. Скоро.

— Поторапливайтесь, время поджигает.

— Адепт Гидрак, здесь...

— Я уже говорил вам, не называйте меня так, — огрызнулся Гидрак.

— Корректирую. Как пожелаете. В этом желобе располагаются десятки тысяч возможных подключений, и большинство идентификаторов невозможно считать. Со времени прокладки канала прошли тысячи лет, и уровень износа делает поставленную задачу невероятно сложной.

— Учитывая, сколько я вам плачу, мне совсем не хочется слышать фразы вроде «невероятно сложный», — ответил адепт.

Инфоциты вернулись к работе, и он оставил их в покое.

Гидрак не стал заходить во второе помещение, где размещались полдюжины добытчиков данных, напрямую подключенных к ноосферической сети через одноразовые считыватели со стертыми идент-кодами. Они обрабатывали неимоверный объем информации, текущей в

пределах четырехугольника[5] Сабейского залива, отыскивая любые признаки обнаружения того, чем занимается команда адепта, и того, что она собирается сделать.

Последние два помещения, изначально совершенно одинаковые, теперь ни в чем не походили друг на друга, и именно в них шла настоящая работа.

Обстановка в первой из этих комнат, выбранной Гидраком для себя, выглядела почти спартанской. Кроме разборной койки на стальном каркасе, сдвинутой в дальний угол, из мебели здесь находился лишь стоящее в центре помещения гравикресло, снятое адептом с челнока типа «Аквила». Рядом с ним располагалась массивная консоль из отполированной бронзы, загрузочный когитатор, оснащенный множеством несанкционированных подпольных улучшений. Внутренние модификации такого рода в свое время принесли молодому тогда адепту всевозможные проблемы.

Машина ждала Гидрака, но он не был готов к подключению.

В последней комнате адепт нашел худого, как скелет, Симокатту, который уже занял рабочее место, полулежа на сетчатой металлической каталке. Его тело окружали ряды гудящих машин, контролирующих сложную систему булькающих трубок, введенных в шею, голову и позвоночник.

В отличие от аскетичного помещения Гидрака, по этой комнате нельзя и шагу было ступить, не наткнувшись на талисман с символом Механикус, свисающий со стены благочестивый текст или использованный пакет для капельницы. Как Симокатта умудрялся работать в такой обстановке, оставалось тайной, но несравненное мастерство позволяло ему возлагать заботы о гигиене на плечи других.

Они оба принадлежали к числу наёмных штекеров, вольных адептов, специализирующихся на взломе храмовых систем безопасности кузен, выкачивании информации, помощи перебежчикам и неприкрытых похищениях.

Текущее задание включало в себя всё вышеперечисленное.

Впервые Гидрак встретился лицом к лицу с магосом Энариком пять месяцев тому назад, изображая участника Конклав Фратерис, проводившегося на склонах гор Фарсида. Их общение, впрочем, началось годом ранее и велось при помощи до смешного простых обезличенных уведомлений и с использованием закодированных вокс-воров, менявших маршруты сообщений так, словно те исходили из все новых и новых источников.

Энарик считал, что ведет себя очень осторожно, но любой более-менее компетентный добытчик информации мог бы отследить его за несколько минут.

К счастью, Гидрак взломал коммы магоса, как только получил от него первое послание, благодаря чему все последующие переговоры удалось сохранить в тайне.

Их тайное randevu состоялось, после долгой подготовки, во время перерыва в работе конклава, на котором Гидрак играл роль экзекутора-фециала малоизвестного Легио с окраинного мира-кузницы, ищущего торговых партнеров на Марсе. Подтверждая объявленный статус, он заключил контракты с множеством кузен Механикус, на что не имел совершенно никакого права. С тех пор Гидрак каждый раз улыбался, представляя себе удивление планетарного губернатора захолустного мирка, на орбите которого появится флот марсианских грузовых кораблей, с трюмами, доверху заставленными вооружениями и бронетехникой.

Оставаясь под личиной экзекутора-фециала, он, вместе с Авророй, изображавшей его вооруженного жизнехранителя, явился на Аскрийскую гору. Встреча с магосом Энариком прошла в грандиозной галерее из хрусталя и бронзы, на северо-западной стороне гигантского щитового вулкана.

Стены из поляризующего материала отфильтровывали худшие следы атмосферного загрязнения, предлагая невиданно прекрасный обзор на равнины Фарсиды. Возвышающаяся в своем могуществе гора Олимп лежала в тысяче километров к западу, а в северном направлении, гораздо ближе к ним, располагалось печально знаменитое поле сражения за Мондус Оккулум.

Намного ниже по склону вулкана высились боевые машины Легио Темпестус, и среди наслаждающихся видами зрителей можно было опознать по форменной одежде немало членов экипажей титанов. Гидрак надеялся, что никто из них не завяжет с ним профессиональный разговор. Пусть ему и удавалось обмануть магосов, выдавая себя за представителя легиона, доверчивость настоящих принцепсов и модератусов вызывала у «экзекутора-фециала» серьезные сомнения.

— Энарик пришел рано, — заметила Аврора.

Гидрак уже заметил магоса, шагавшего по обшитою металлом полу с видом человека, который спешит на совершенно секретную встречу. Они представились, изображая, что совершенно случайно натолкнулись на него в толпе. В Энарике, выглядевшем, как типичный механикум — то есть фантастический гибрид, почти лишенный плоти — все же осталось достаточно человечности, чтобы испытывать нескрываемый страх.

Не опознав их, магос попытался проскочить мимо, и какая-то часть Гидрака хотела позволить ему уйти. Тем не менее, адепт удержал Энарика, изящно вплетая в разговор обусловленные кодовые фразы, пока одна из них наконец не сработала.

Озарение магоса выглядело почти комично, и Аврора, схватив его за руку, практически оттащила заговорщика к дымчатому стеклу, за которым лежали равнины Фарсиды.

— Успокойтесь, магос, — сказал Гидрак. — Вы привлекаете внимание, а это плохо. У вас есть задание, требующее определенных навыков, верно? В таком случае, нам есть что обсудить. Если же нет, то моя компаньонка и я немедленно уйдем отсюда и вы больше никогда о нас не услышите. Подтвердите одним кивком, что поняли меня.

Энарик кивнул.

— Отлично, — произнес Гидрак, протягивая магосу руку и награждая его самой обаятельной из своих улыбок. — Теперь улыбайтесь, кивайте и говорите так, словно мы обсуждаем весьма выгодное торговое соглашение. И объясняйте в это время, чего вы желаете от нас.

— Здесь? Сейчас? — переспросил Энарик, вновь начиная паниковать. — Тут сам воздух напичкан подслушивающими устройствами.

— Ничего такого, что мне не по зубам, — ответила Аврора, постучав пальцем по правому уху, в котором скрывался вокс-расщепитель. — Будьте уверены, никто не слышит именно того, о чем мы говорим сейчас.

— Говорите, — повторил Гидрак, — и будьте лаконичны.

К чести Энарика, тот быстро приспособился и язвительно изложил историю архимагоса Альхазена из Сабейского залива, кузня которого располагалась в кратере Скиапарелли. Этот механикум, близкий союзник генерал-фабрикатора, за последнее десятилетие добился невиданных успехов в поисках утраченных техноколдовских знаний Марса.

Среди них встречались хранилища потерянных технологий, фрагменты стандартных шаблонных конструкций и объекты, относившиеся, по слухам, к эпохе Объединительных войн и более давним временам. Технотеократы провозглашали, что Альхазен благословлен самим Омниссией, и их восхваления подтверждались все новыми и новыми бесценными секретами, извлекаемыми из-под красных песков.

Вслушиваясь в едкую декламацию магоса, Гидрак понял, что Энарик обожает звук собственного голоса и благородно позволяет окружающим купаться в сиянии собственного разума.

Разумеется, адепт предварительно кое-что разузнал и смотрел на происходящее критически.

Гидраку было известно, что талант Энарика не может сравниться с уровнем его амбиций, как и то, что магос почти израсходовал собственные ресурсы и утратил расположение коллег-магосов, пускаясь в многочисленные авантюры. Ни одна из попыток Энарика продвинуться в иерархии Марсианского Синода не принесла плодов, что и заставило его искать помощи на стороне.

— Вы слышали о FM-2030? — спросил магос.

Гидрак был в курсе, но промолчал, зная, что Энарик разовьет мысль.

— О нем говорят, как об одном из первых трансгуманистов, жившем во времена,

предшествовавшие зарождению Культа Механикус, вознесемся над ограничениями плоти. Один из ранних Двоичных Апостолов и отец-основатель нашей планеты, он перенес немало Первых Технологий с Терры на Марс. Утверждают, что существует карта, на которой отмечено точное местоположение его первых протокузниц, забытых хранилищ тех самых технологий, что помогли основать наш мир. Её называют «Картография 20-30».

— Позвольте предположить, — произнес Гидрак, — вы считаете, что Альхазен завладел картой?

— Да, — ответил Энарик, алчно сверкнув оптическими имплантатами. — И я хочу, чтобы вы принесли её мне.

Гидрак услышал шорох шагов за спиной — лишь потому, что она этого хотела.

— Наверху всё чисто? — спросила Аврора.

— Я почти уверен, что ты и так знаешь ответ.

— Почти?

— Хорошо, абсолютно уверен.

— Ты не ошибся, я знаю, — сказала она.

— И зачем тогда спрашивать?

— Мне нравится слушать, как ты говоришь обо всем, словно командуешь здесь.

— Но я действительно здесь командую, — возразил Гидрак.

Аврора улыбнулась, и он простил её, как прощал всегда. Затем адепт кивнул в сторону расслабленно лежащего Симокатты, не удержавшись от гримасы при взгляде на его истощённое тело.

— Дуку ещё не клюнул? — спросил Гидрак.

— Ещё нет, — ответила Аврора четким голосом, совершенно лишенным акцента. Ему доводилось слышать, как она воспроизводит речь жительницы терранского улья, юпитерианской докерши и аристократки с Бакки. Гидрак не знал точно, как звучит истинный голос Авроры, а сама она утверждала, что не помнит этого. Неужели жизнь, проведенная в тренировках среди ассасинок-техножриц Кидонийского сестринства, просто стерла его?

— Поскорее бы, — сказал Гидрак. — Рано или поздно авгуры дальнего действия кузни распознают, что никакой мы не клан мусарей.

— Он клюнет, я три месяца наблюдала за ним в Басири. Как раз из тех типов, что попадают на приманку, поэтому мой выбор и пал на него.

Аврора прошла мимо Гидрака, и он, как всегда, увидел перед собой сочетание образов, словно каждая часть её тела открывалась взору в строго определенный момент, выбранный ею самой. Тёмно-синий чешуйчатый комбинезон-перчатка из полимеров, не отражающих свет, облегал стройное тело с частично удлиненным аугментикой скелетом. Узкие бедра, узкие плечи и длинные волосы цвета меди, заплетенные в тугую косу — всё в ней словно стремилось ввысь, включая черты лица. Они казались чуть излишне тонкими и заостренными — щеки, высокие худощавые скулы, даже большие золотисто-каштановые глаза, которые выглядели естественными, но почти наверняка были аугментическими.

— Ты прекрасна.

— Ты всегда говоришь так перед заданием.

— Но это правда, — сказал Гидрак, шагнув к ней.

— Осторожно, — Аврора чуть повернулась, — я вооружена.

В ножнах на её талии висели два коротких ножа с рапирными лезвиями и тусклыми темными рукоятками, украшенными головой быка. На бедрах покоилась пара матово-черных пистолетов, уникальных в прямом смысле слова.

— Как и... — начал он, но тут же осекся, вспомнив, что оставил плазменный пистолет у главного входа. Аврора с улыбкой покачала головой, и Гидрак вздохнул.

— Твой спидер готов? — спросил он, быстро меняя тему.

— Ещё немного, и полетит сам.

— Хорошо, а то я чувствую, что после завершения задания нам придется очень быстро сматываться.

— Поверь, когда я управляю им, в радиусе сотни световых лет не найдется ничего, способного не то, что догнать, а даже заметить спидер.

Пока Аврора шла к дверям, Гидрак не сводил с неё глаз, и отвернуться его заставил лишь хриплый вздох Симокатты.

— Мы внутри, — произнес тот, моргая мутными от слёз глазами, вновь принаравливающимися к окружению. Забулькали жидкости в трубках, свежие питательные вещества и электролиты начали поступать по сети капельниц и хим-катетеров в тело Симокатты.

— Он клюнул? — спросил Гидрак, с большой неохотой подходя к каталке.

— Конечно же, клюнул, мой скептический соратник, — ответил Симокатта, вздохом приветствуя поступление стимов в кровь. — Разве я не говорил тебе, что так и будет? Наш дорогой Дуку нашел инфоштекер именно там, где его оставила, следуя моим инструкциям, госпожа Аврора. Оpozнав символику архимагоса Альхазена, он пронес его с собой в кузню Басири. С того момента статистически неизбежным стало то, что рано или поздно Дуку подключит инфоштекер, ведомый похвальным, пусть и безрассудным желанием узнать, кому тот принадлежит.

— Омниссия, благослови простодушных, — улыбнулся Гидрак. — Как скоро код выгрузится в его сенсорную аугментацию?

Дотянувшись до внутривенного дозатора, Симокатта отработанным движением настроил поступление питательных веществ.

— Я тружусь со сноровкой Гефеста и проворством Гермеса, — ответил он, сопроводив слова вычурным жестом аристократа, приветствующего подданных.

— И что это значит?

— Это означает, что контакт установлен и полиморф сокрушает защиту адепта Дуку, пока мы разговариваем.

— Вирус уже выгружается?

— Гидрак, дорогой мой, ты же заплатил мне не за медленный код?

— Проклятье, Симокатта, мог бы начать с этого! — рявкнул Гидрак.

Адепт выбежал в коридор, сопровождаемый смехом Симокатты. В соседней комнате ждала Аврора, уже знавшая, что сказал ему мастер кодов.

— У тебя ускоренное сердцебиение, — произнесла она, словно зная точно.

Это, как догадывался Гидрак, было вполне вероятно.

Кивнув, он потратил минутку на то, чтобы успокоиться, выровнять дыхание и снизить пульс. Затем Гидрак опустился на гравикресло, снятое с «Акви́лы» и немедленно утонул в его обволакивающих, словно вторая кожа, объятиях.

Гидрак почувствовал, как расслабляются мышцы. Напряжение, превратившее его нервы в натянутые струны, отступило, стоило начать настоящей охоте. Понимание того, что он рожден для подобных дел, успокаивало адепта.

— Так-то лучше, — заметила Аврора, отстегивая два медных кабеля от терминала когитатора.
— Ты уверен насчет задания?

— Нет, но если мы провернем это дельце...

Она пожала плечами.

— Энарику можно доверять?

— Конечно, нет, — ответил Гидрак, — но на случай проблем у меня есть ты.

— Разумеется.

— Я есть то, что я приношу с собой, — произнес Гидрак, закрывая глаза, и принял кабели из гладких, словно фарфор, кончиков пальцев Авроры. Следующим движением он вставил их наконечники в имплантированные прямо за ушами разъемы. — Лишь это и ничего более.

— Ты каждый раз говоришь это, — заметила Аврора.

— А ты каждый раз говоришь это, — возразил Гидрак, проводя ладонью по поверхности когитатора. — Фраза помогает мне настроиться перед Красными помехами. И вообще, не надо недооценивать важность ритуала.

— Мы же на Марсе, как я могла забыть? — вздохнула она. Рука Гидрака уже соскользнула в углубление на верхней панели когитатора, выполненное в форме ладони. Кожа ощущала тепло активирующей руны.

Гидрак выдохнул, чувствуя ладонью гудящую дрожь машины, тот потенциал, что скрывался в ней.

— Доброй охоты, — наклонившись, Аврора поцеловала его в лоб.

— Это тоже помогает.

— Значит, всё пройдет гладко?

— Гладко, как стекло, — пообещал Гидрак и нажал активирующую руну.

Падение в туннель, наполненный светом. Ощущение стремительного движения и невыносимое головокружение. Чувство, что его тело растягивается в струну молекулярной толщины. Подключения всегда проходили сложно, но в этот раз...

В этот раз казалось, что он не выдержит.

А затем с натянутой до предела струны словно сняли груз.

Вновь головокружение, размытое зрение и тут же появившаяся тошнота.

Гидрак боролся с ними, зная об их нереальности. Не его вестибулярный аппарат, другой центр тяжести. Чужое тело.

Новые ощущения, и все неприятные.

Приспосабливайся, чтоб тебя. Закрепляйся, держи себя в руках.

Тошнота ослабла, пропало чувство дезориентации. Свет и трехмерное пространство вновь окружали его, измерения вернулись на свои места. Вектора X, Y и Z снова обрели смысл.

Он обнаружил, что сидит перед наклонной приборной панелью из клепаной стали, в которую встроены выпуклый экран инфопланшета, отображающий линии гексаматических каскадов. Из загрузочного порта торчал инфоштекер, тот самый, который «случайно» отыскал адепт Дуку по замыслу Симокатты. На основании стержня Гидрак увидел хорошо различимый пересеченный телескоп, геральдический знак архимагоса Альхазена.

Прошли десятилетия с тех пор, как Гидрак изучал высшую многомерную геометрию, и большая часть информации на экране перед ним — нет, перед адептом Дуку — оказалась выше его понимания. В углу мерцал участок неясных помех, совершенно непримечательный сбой изображения, привычный для всех инфопланшетов.

Вот только в этом случае за ним скрывался тайно исполняющийся код внедрения, созданный Симокаттой. Обойдя все до последнего протоколы систем защиты, он открыл чёрный ход к аугментике адепта Дуку.

Двадцать четыре пальца отбивали чечетку по опаловым клавишам в латунной оправе, и с каждым нажатием их невольный сообщник вбирал в себя всё больше полиморфного кода. Единственный механодедрит Дуку, свисающий у него над головой, передвигал каретку всякий

раз, когда писчее перо панели заполняло страницу.

Целиком уйдя в работу, адепт совершенно не замечал того, что сенсорные входы его аугментики подверглись взлому. С каждым уходящим мгновением Дуку все меньше и меньше оставался самим собой, но и на это он не обращал внимания. Лишь однажды, когда незначительная ошибка в кодовых псалмах Симокатты вызвала видимый сбой в зрительном интерфейсе, адепт оторвался от печатания и поднял голову.

Глядя его глазами, Гидрак понял, что занимает отгороженное место надзирателя в скрипториуме Равенства. Перед ним, словно просители, сидели ровными рядами пять тысяч писцов, безликих канцелярских крыс, за работой которых и наблюдал Дуку вместе с десятками других адептов с суровыми лицами, выискивающих отклонения от единообразия. Немногие видимые участки кожи техножрецов отливали болезненным, бесцветным блеском в свете гирлянд флуоресцентных люменов.

С украшенного палладием кессонного свода огромной залы свисали легированные металлические знамена, посвященные непрерывному походу к знаниям и победам над невежеством. Стены в промежутках между украшенными шестернями пилястрами и надзорными пиктерами украшали благочестивые фрески, каждая в сотни метров длиной.

Неясная муть исчезла из угла экрана инфопланшета. Полиморфический вирус загрузился, пришло время действовать.

Настал час окунуться в Красные помехи.

Гидрак выпустил волну, составленную из множества враждебных массивов данных, встречавшихся ему на протяжении десятилетий. Там нашлось место фрагментам мусорного кода, элементам диссемблера, над которым они работали вместе с Павелькой, построчным прерывателям и всевозможным перехватчикам данных. Достаточно, чтобы перегрузить систему среднего уровня уязвимости, а меняющие форму кодовые псалмы Симокатты оставили адепта Дуку совершенно беззащитным.

Соединение между ним и Гидраком бушевало ломаными линиями кроваво-красных помех. Аугментированная нервная система адепта сотрясалась в мучительных спазмах, бомбардируемая пакетами запрещённых кодовых комбинаций, гексаматических остановов и информационных запросов, объем которых возрастал в геометрической прогрессии.

Воюющие, кусающие и колющие импульсы агрессивного кода заполнили поле зрения Дуку, но тело Гидрака на том конце двустороннего соединения также страдало от атаки. Лишь гравикресло и руки Авроры спасали его от перелома позвоночника во время очередной жестокой судороги. Рассудок Гидрака, органы чувств которого сейчас были подключены к сенсорам адепта, ещё не осознал последствий Красных помех.

Но после возвращения в собственную плоть все ощущения, испытанные телом, тут же обрушатся на его разум. От одной мысли об этом в душе Гидрака заворочался извивающийся

клубок паники.

Адепт пытался звать на помощь, но Красные помехи уже отключили его системы внешней связи. С тем же успехом Дуку мог бы кричать из одиночной камеры, расположенной в одном из черных острогов на орбите Титана.

А потом схватка закончилась. Красные помехи исчезли, и в поле зрения вновь появился покрытый фресками зал. Кисти рук адепта неподвижно лежали на обшитой металлом клавиатуре, лишь органические части тела нервно подергивались. Гидрак успокоил их пакетами двоичного кода и болеутоляющими средствами, добавленными в жидкостную систему.

+Адепт Гидрак?+

Голос в его черепе принадлежал Симокатте.

+Не называй меня так. Но, да, это я.+

+Отличная новость. У тебя полный контроль?+

Он поднял кисти своих рук — уже не Дуку, а своих. Они двигались по воле Гидрака, который провел серию базовых двигательных упражнений и тестов на восприятие, чтобы установить уровень внедрения в систему.

+Да.+

Теперь Гидрак обладал Дуку, его душой и телом. Сознание захватчика уселось на троне в нейрокортексе адепта, и вопящий рассудок жертвы ничего не мог с этим поделать.

+Посылаю тебе префиксные коды, + сообщил Симокатта, после начала миссии отбросивший легкомыслие и высокопарный слог. Возможно, Гидрак недооценил его — жаль, что больше им не придется поработать вместе.

+Получил, + передал Гидрак, как только в памяти возникли огромные объемы данных, информация, которую он не усваивал. Знания просто появились в голове, но ощущались так, словно Гидрак обладал ими всегда.

+Введи команды как можно быстрее, + предупредил Симокатта. +Авторизирующие символы не сохраняются в твоей кратковременной памяти.+

+Скоро я смогу обойтись без них, + заверил Гидрак.

Пошевелив пальцами и быстро приспособившись к их излишнему количеству на каждой руке, он ввел в инфраструктуру кузню Басири последовательность корневых команд. Требуемый уровень доступа для выполнения каждой из них намного превышал тот, которым обладал Дуку, но Гидрак предварял их авторизирующими символами, полученными от магоса Энарика. Закончив с этим, он подал заявку на летательный аппарат с южной платформы, внося в полётный лист маршрут, отличный от того, по которому собирался следовать.

+Готово,+ сообщил Гидрак, как только все команды были приняты к исполнению. Отключив инфопланшет, он выгрузил в систему непричинные шифры, на взлом которых потребуется несколько дней.

+Исходя из расстояния до цели и средней скорости ходьбы адепта Дуку, у тебя уйдет не больше пятидесяти минут на то, чтобы достичь центрального инфоядра,+ передал Симокатта.

+Значит, мне пора выдвигаться.+

+То есть, теперь мой ход?+ уточнил Симокатта, и Гидрак улыбнулся, услышав озорные нотки в его голосе через сенсорное соединение.

+Да, твой ход. Выпускай Ночного Дракона.+

Симокатта отключил связь, зная, что Гидраку для ориентации внутри кузни должно хватить найденных им детальных планов Басири.

К тому же, ему предстояло устроить небольшой переполох.

За десятилетия, посвященные укреплению инфосфер против атак враждебным мусорным кодом, у Симокатты развилось сверхъестественное чутье на уязвимости той или иной кузни. Ни одна, пусть самая лучшая вычислительная сеть не могла избежать мутационных ошибок в системной архитектуре или «щелей» в защитных комплексах. Даже многослойную оборону инфосферы горы Олимп могли обойти квалифицированные операторы, используя соответствующий код.

Симокатта испытал это на собственной шкуре.

Адепты Темных Механикус, взломав находившееся под его защитой инфоядро уровня прим, похитили чертежи СШК бронебойных боеголовки, ныне сеющих хаос в зонах боевых действий вокруг Ока Ужаса.

Звезда Симокатты, которого прежде обихаживали самые высокопоставленные техножрецы Марса, закатилась ниже горизонта. Теперь он, вынужденный обслуживать своей гениальностью презренных людишек вроде Гидрака, взламывал те самые системы, которые некогда защищал.

По крайней мере, за это хорошо платили, а богатый человек может очистить собственную историю от чего угодно.

Инфоциты завершили установку неотслеживаемого подключения к всемирной сети, и Симокатта позволил своему сознанию нырнуть в золотой океан знаний и информации, омывающий Красную Планету.

Тихо вздохнув, он ощутил грандиозность инфосферы Марса, бесконечный простор знаний, представленных лучами света. Этот вид всегда приводил Симокатту в смиренное восхищение, заставляя восторгаться объемом знаний человечества, а затем навевал грусть при воспоминании о том, сколь многое оказалось утрачено.

Поверхность Марса напоминала новорожденную звезду, бушующую потоками раскаленных газов, плазменными штормами и протуберанцами. Бриллиантовое сияние двоичного кода расходилось концентрическими вихрями от громадных хранилищ информации, величайшими из которых являлись храмы-кузни Механикус. Эти вотчины могущественных магосов Марса, будто вулканы, истекали лавовыми потоками инфосвета.

Но Симокатту намного больше интересовало то, что стекалось в кузни. Большинство из них обладали геотермальными силовыми установками, но в одиночку те никак не могли удовлетворить производственные потребности в энергии.

Поэтому большую часть необходимых мощностей обеспечивали титанические атомные реакторы, разбросанные по всему четырехугольнику. Они светились, словно угрюмые звёзды, и их нестабильные ядра, скованные и покоренные людьми, удерживались в неустойчивом равновесии между взрывной детонацией и состоянием покоя.

Распределив сознание между прокси-аватарами, Симокатта направил их в потоки информации, окружавшие каждый из реакторов. Почуввав неавторизованное проникновение, протоколы «Уроборос», чудовищные витки кретинской информации, предназначенной для выжигания новой коры головного мозга, немедленно бросились на перехват.

Симокатта прекрасно осознавал утонченную смертоносность угрозы — когда-то он сам предложил концепцию корневых систем «Уробороса». Сейчас протоколы, словно лоснящиеся чёрные змеи, описывали круги вокруг его аватаров, источая бездумную враждебность и свирепый голод.

+Ну же, мои милые,+ призвал Симокатта. +Пируйте. Пожрите их.+

Словно услышав его, змеи бросились на прокси-аватаров и растерзали их в неистовстве чрезмерно жестоких удалений. При разработке протоколов Симокатта вдохновлялся образами подсечно-огневой борьбы с джунглями, создавая грубую и неизбирательную, но при этом доскональную систему защиты.

Но сейчас эта доскональность обрекала «Уроборосов» на уничтожение. Каждый из аватаров Симокатты представлял собой лишь оболочку, систему доставки чего-то намного худшего.

В них таился Ночной Дракон — информация, превращенная в оружие и предназначенная для одного лишь уничтожения, разработка древнего отступника, известного под прозвищем Злобный. Двоичный эквивалент самой дьявольской отравы, какую только можно вообразить. И управляющие системы дюжины атомных установок по всему Сабейскому заливу только что проглотили её.

Внезапная паника охватила реакторные комплексы, стоило Ночному Дракону приняться за дело, выжигая контрольные системы и разрушая регулирующие механизмы быстро перегревающих ядер.

Симокатта потратил десятилетия, стараясь разработать противоядие, но так и не нашел решения.

Он сомневался, что кому-то другому это удалось.

Гидрак тем временем без задержек продвигался по кузне Басири.

Сопровождаемый многочисленными взглядами писцов, удивленных его уходом не по расписанию, «адепт Дуку» покинул скрипториум Равенства. Хранящиеся в памяти чертежи направляли его по ярко освещенным коридорам кузни.

Лишь однажды Гидрак отклонился от маршрута, заглянув в святилище Махина Опус, где под армированной металлической скамьей лежали два мелта-пистолета из прессованного пластика, оставленные Авророй. Вырубленное в базальте помещение пустовало, за исключением нескольких облаченных в темную броню технодесантников из ордена Траурных Мечей. Гигантские постлюди взглянули на вошедшего адепта, но тут же, проявив типичное для Астартес поведение, потеряли к нему интерес.

Вооружившись, Гидрак продолжил путь.

Стоило признать, архимагос Альхазен эффективно управлял храмом-кузней. Составы маглевов следовали строго по расписанию, и порядок входа/выхода групп адептов, сервиторов и тысяч облаченных в рясы техножрецов регулировался по весьма жестким стандартам.

Единственным, кто не следовал предписанному маршруту, оказался Гидрак.

После регистрации его неавторизованных передвижений, как и последующего несанкционированного проникновения в комплекс инфоядра, три отделения протекторов Механикус получили приказ выдвигаться на перехват.

Если бы всё шло как обычно, они добрались бы до Гидрака в течение четырех минут.

Но дела пошли совсем не как обычно.

Стоило Гидраку проникнуть на самый нижний уровень комплекса инфоядра, как кузня Басири просто отключилась.

На Марсе редко случались перебои с энергоснабжением, но и на этот случай в каждом владении Механикус имелись многочисленные резервные системы, мгновенно запускающиеся при потере внешнего источника.

Полное отключение кузни представлялось невозможным.

Но теория не учитывала, что кто-то, обладающий префиксными кодами высокого уровня, может отключить резервные системы.

Гидрак представил себе хаос, разворачивающийся наверху, судорожные попытки десятков тысяч адептов, инфостражей и калькулюс-логи сохранить драгоценные данные в собственных системах до того, как полностью истощатся внутренние конденсаторы.

Каждая живая душа на службе архимагоса Альхазена, включая протекторов Механикус, оказалась связанной протоколами действий в чрезвычайной ситуации. Один-единственный заплутавший адепт волновал их меньше всего.

Критическая ошибка.

Проследовав в абсолютной темноте по изогнутому коридору, Гидрак оказался у входа в самое охраняемое помещение кузни Басири. Если бы не отключение энергии, десятки охранных систем уже остановили бы вторжение, застрелив адепта или более хитроумно покончив с ним.

Коридор неожиданно оборвался за поворотом, и Гидрак оказался под высокими сводами невероятно огромного зала. В самом центре помещения располагался пятнадцатиметровый обсидиановый куб, окруженный стальной решеткой.

Клетку охраняли два сервитора класса «Преторианец», настоящие чудовища, оснащенные продвинутым мозговым обеспечением, с телами, распухшими от боевых аугментаций и смертоносного вооружения.

«Преторианцы» могли вести бой в полуавтономном режиме, но отключение энергии изолировало их от боевой инфосети, и Гидрак выглядел для охранников как обитатель кузни Басири. Не давая вооруженным сервиторам времени осознать ошибку, он испарил их черепа выстрелами с двух рук из мелта-пистолетов.

Охранники повалились наземь горами расплавленного металла и пузырящейся плоти. Гидрак, обойдя тела обманутых стражей, подошел к своей цели.

— Клетка Фарадея для экранирования информации, — произнес он с восхищением.

Внутри вела обычная дверь из листовой стали, снабженная увесистой панелью кодового замка. Защита выглядела абсурдно примитивной, почти смешной, но, так или иначе, отделяла Гидрака от самого ценного секрета архимагоса Альхазена.

Именно из-за этой простоты ему пришлось прибегнуть к физическому вторжению. Любые данные, хранящиеся в вычислительных сетях, были по определению уязвимы для внешних атак, но инфоядро Басири оказалось полностью изолированным от внешней среды. На планете, где абсолютно все системы соединялись между собой линиями связи, лишь информация, полностью отрезанная от доступа с остального Марса, могла считаться защищенной.

Успех Гидрака опровергал данное предположение.

Выстрелив в замок, он вышиб дверь ударом ноги.

Внутри куб оказался совершенно пустым, за исключением блестящего черного когитатора. Энергопитание тот получал от аккумуляторных стоек, закрепленных в глубоких нишах.

Однозадачные сервиторы, обслуживавшие батареи, проигнорировали появление Гидрака, сделавшего круг возле когитатора. Это устройство трехметровой высоты, с гладкой, безликой поверхностью, напоминало черный памятник знанию, воздвигнутый расой звездных инженеров.

В самой середине когитатора располагался порт загрузки/выгрузки. Гидрак, расправивший механодендрит адепта, перебрал несколько оконечных инструментов и остановился на инфоштекере. В зеркальной черной поверхности отразилось безвольное лицо Дуку.

— Прости, дружище, но это конец, — покачал головой Гидрак. — Мне нужно очень много свободного места.

Он ощутил панический страх Дуку, но это не помешало Гидраку стереть все аспекты личности взломанного адепта из его собственных катушек памяти. Единственным актом убийственного переформатирования он превратил тело жертвы в безмозглую марионетку.

Никаких свидетелей.

Вставив инфоштекер, Гидрак позволил себе слабую улыбку. Началась загрузка данных, и перед его глазами побежали интенсивные, переплетающиеся потоки двоичного кода.

— У вас полно секретов, архимагос, — произнес Гидрак, проверяя статус запрошенного им летательного аппарата на южной пусковой платформе. Тот уже привели в состояние готовности, и адепт, по-прежнему улыбаясь, продолжил считывать информацию, льющуюся из когитатора. Даже избавленные от необходимости поддерживать личностные матрицы Дуку, катушки памяти быстро приближались к пределу пропускной способности.

Гидрак продолжал прочесывать хранилище в фоновом режиме, выискивая ссылки на «Картографию 20-30», но его беспокойство возрастало с каждой секундой.

— Карты здесь нет, — произнес Гидрак, и тревога сменилась болезненным, выворачивающим кишки ужасом. Осознав то, что было там вместо неё, он попытался отключиться, вырвать штекер из загрузочного порта, но знание оказалось слишком огромным и смертоносным, а выводы из него — слишком жуткими, чтобы стереть их из памяти.

Наконец, выгрузка завершилась.

Гидрак отступил от когитатора, мечтая, чтобы в свое время он отказался от предложения Энарика, никогда не появлялся в кузне Басири и не касался знания, которое не сможет забыть.

— Аве Деус Механикус, — прошептал он.

— Ожидал чего-то иного, верно? — спросил облаченный в черное адепт, выступая из теней.

Аврора наблюдала, как буря переваливает через окружной хребет кратера. Изображение поступало к ней от роя мушек-шпионов с поверхности. Хотя их лагерь обладал достаточной защитой, чтобы выдержать пыльную бурю без последствий для миссии, вид надвигающегося штормового фронта навевал дурные предчувствия.

Она не хотела браться за это задание. Работа, предложенная Энариком, дурно пахла с самого начала, но Аврора была обязана Гидраку, а некоторые долги оплатить невозможно. Существуют чаши весов, заполненные кровью настолько, что ничто не в силах уравновесить их.

Она всегда следовала за Гидраком, а тот всегда шагал навстречу неприятностям.

Движением зрачка Аврора отключила внешний обзор и вывела на сетчатку обратный отсчёт миссии.

— Слишком долго, — пробормотала она, глядя на безвольное тело Гидрака в гравикресле. Потребуется несколько дней, чтобы он вновь смог нормально ходить, отойдя от принесенных Красными помехами растяжений и кровоподтеков в конечностях. Он будет лечиться, как и всегда, утонув в наркотическом тумане и сражаясь с жаждой новой дозы.

Странная манера поведения, особенно когда есть выбор из десятка аугментаций, каждая из

которых способна очистить почечную систему от следов привыкания.

Заострившееся лицо Гидрака выглядело серым, его зрачки дергались под закрытыми веками. Цвет кожи, и так далекий от здорового оттенка, казался мертвенно-бледным, почти трупным. Аврора знала последствия возможной гибели тела, в котором сейчас находилось сознание Гидрака, но отгоняла мысли о них.

Странная манера поведения, особенно когда есть выбор из десятка аугментаций, каждая из которых способна очистить почечную систему от следов привыкания.

Заострившееся лицо Гидрака выглядело серым, его зрачки дергались под закрытыми веками. Цвет кожи, и так далекий от здорового оттенка, казался мертвенно-бледным, почти трупным. Аврора знала последствия возможной гибели тела, в котором сейчас находилось сознание Гидрака, но отгоняла мысли о них.

Такие, как она, без всякого труда представляли себе множество способов, которыми может умереть человек. Но медленно закахнуть, с разумом, навсегда потерянным в цифровом лимбе, лишенным возможности вернуться в собственное тело... Смерть, недостойная воина.

Вскочив на ноги, Аврора отправилась в соседнюю комнату, где худой, как скелет, Симокатта полулежал на своей хитроумной каталке. В воздухе перед ним висела дюжина энтоптических экранов, некоторые из которых отображали информацию из атакованных Ночным Драконом реакторных комплексов, на другие поступало изображение со взломанных спутников наблюдения, перенацеленных на кузню Басири.

— Есть новости?

Покрытой испариной Симокатта поднял глаза от экранов, и его лицо ощерилось в зубастой улыбке.

— Нет, дорогая моя Аврора, — голос показался ей до отвращения приторным. — Наш общий друг все ещё занят делом.

— Подключение активно?

Симокатта указал на свой когитатор, поверхность которого моргала зелеными огоньками.

— Адепт Дуку по-прежнему пляшет под дудочку Гидрака, но я предполагаю, что их шаловливая близость вот-вот прервется.

— Почему?

— По моим оценкам, энергоснабжение кузни Басири будет восстановлено в течение сорока секунд. Если к тому моменту адепт Гидрак не покинет её, то уже не вернется.

— Не называй его так, — сказала Аврора.

— Он все время это повторяет, — задумчиво произнес Симокатта, шутливо погрозив костлявым пальцем. — Почему? Что за нелюбовь к Культуре Механикус? Или, возможно, сам Гидрак неприятен механикумам? Признаюсь, что не смог отыскать о нем ни единой записи в инфохранилищах Марса, что в равной степени тревожит и успокаивает меня.

— Ты действительно надеялся найти его?

— Полагаю, что нет, — рассмеялся Симокатта.

Аврора заметила, что панель возле каталки замерцала калейдоскопом красных и янтарных сигналов.

— Это из-за него?

Кивнув, Симокатта щелкнул несколькими выключателями из слоновой кости на панели сбоку от себя. Половина экранов погасла.

— Определенно, — он повернул черную рукоятку, настраивая изображение с ауспиков орбитальной платформы. — Я засек скоростной летательный аппарат, который прямо сейчас покидает южную платформу, направляясь в нашу сторону.

— Нам пора приниматься за работу, — скомандовала Аврора, испытывая одновременно облегчение и возбуждение при новости об успехе Гидрака в кузне Басири. — Ты знаешь, что делать?

— Разумеется. Отозвать Ночного Дракона из систем всех реакторов, кроме комплекса в кратере Поллака.

Аврора кивнула.

— Как только Альхазен поймет, что произошло, он отправит в погоню за нами все имеющиеся силы. Без прикрытия не обойтись.

— Поверьте мне, госпожа Аврора, — Симокатта потер руки в предвкушении, — после того, как тот реактор вступит в критический режим, на площади в десятки тысяч квадратных километров никто никого не сможет выследить. Причем весьма продолжительное время.

Наверху, в истерзанном ветрами лагере, куда поднялась Аврора, видимость не превышала десяти метров. Красная пыль заполнила кратер, по щиколотку засыпав траншеи. Казалось, песчинки набились во все складки её комбинезона-перчатки.

Сборные фургоны шатались под напором ветра, бушующего в чаше кратера. Сохранял неподвижность лишь защищенный буревыми гасителями нейрохирургический модуль, закрепленный на опорах, притянутых болтами к скале. Хирурги, сидящие за герметически закрытыми дверями, чувствовали себя так же, как и при полном штиле. Передав их начальнику код готовности, Аврора получила в ответ краткое подтверждение.

Бросившись наземь, она закатилась под днище модуля и сняла с пояса два брикета взрывчатки. Каждый из них был по размеру не больше пистолета, но этого вполне хватит для того, чтобы уничтожить фургон и команду хирургов после того, как те исполнят свою часть работы.

Заминировав нейрохирургический модуль, Аврора миновала два глубоких укрытия землеройных машин, которые медленно утопали в наметаемом песке.

Усиливающийся ветер трепал хамелеолиновый тент, натянутый над третьим убежищем. В отличие от землеройных машин, почти похороненных пыльной бурей, аппарат, хранившийся здесь, оставался нетронутым. Его спасал от марсианских ураганов встроенный генератор электростатического щита.

Пройдя вдоль краев углубления, Аврора выдернула скобы, удерживавшие тент на месте. Ветер немедленно сорвал и унес его, открывая обтекаемый и смертоносный летательный аппарат с заостренным фюзеляжем и крылом типа «чайка». Глянцево-черный, цельнолитой корпус иглохвостого красавца «Селезня» был совершенно невидимым для авгуров.

Спрыгнув в углубление, Аврора почувствовала, как электростатический щит сметает песчинки с её тела. Она приземлилась рядом с передней кабиной, и на крыльях спидера засветились две головы быка — машина опознала хозяйку.

— Пора полетать, мой милый, — произнесла Аврора, и силовая установка с ровным гулом пробудилась к жизни. Почти бесшумный «Селезень» намного превосходил по мощности любой другой двухместный летательный аппарат, внесенный в марсианские регистры.

Как только Аврора положила ладони на корпус возле передней кабины, вокруг них возник ореол мягкого света. Проворно двигая кончиками пальцев, она подготовила спидер к полету, прогревая бортовые системы и устанавливая последовательность отвлекающих действий по маршруту полета.

Теперь «Селезень» мог сорваться с места в любой момент, не хватало лишь пассажиров.

— Госпожа Аврора? — раздался голос в вокс-бусине.

— Что, Симокатта?

— На вашем месте я бы прямо сейчас закрыл глаза.

Зная, что должно произойти, Аврора присела на корточки и отключила оптические имплантаты. В следующее мгновение укрытие озарила ослепительная вспышка ярчайшего света.

Отражая пламя взрыва атомного реактора в кратере Поллака, небо полыхало на сотни километров по всем направлениям. Атмосферу Марса насытили радиоактивные осадки, и весь Сабейский залив оказался в зоне ужасных электромагнитных бурь.

Выпрыгнув из укрытия, Аврора увидела размытые очертания гигантского, раскаленного облака грибообразной формы, поднимающегося с юга над линией горизонта. Надвигалась новая буря, намного хуже нынешней.

Вернувшись в подземный бункер и пройдя ультразвуковую очистку, она забрала висевший у входа плазменный пистолет Гидрака. Оружие на свободном ремне слегка похлопывало по талии Авроры, направившейся в комнату инфоцитов. Те лежали в прежних позах, распластавшись возле гигантского инфожелоба и оставаясь подключенными к нему. Сделав сальто, она нырнула в яму и вонзила клинки в основания черепов инфоцитов.

Дочиста вытерев ножи, Аврора вернула их в ножны и покинула комнату, уверенным шагом отправляясь во второе помещение, где добытчики данных по-прежнему просеивали ноосферу и физические вычислительные сети.

Все шестеро подняли на неё глаза, подернутые пеленой неполного соединения, и Аврора убила их на месте, одного за другим. Шесть выстрелов из игольников между глаз, и с каждой новой смертью соединение темнело, пока не погасло совсем.

Убрав пистолеты в набедренные кобуры, Аврора миновала комнату Гидрака и вошла в последнее помещение. Там её взору предстал Симокатта, отчаянно пытавшийся слезть со своего металлического ложа, с покрасневшим лицом, застывшим в гримасе ужаса. Он ощутил смерть инфоцитов и добытчиков данных.

Он понял, что пришла его очередь.

— Госпожа Аврора! — закричал Симокатта. — Что вы делаете? Пожалуйста, не надо!

— Никаких свидетелей, — произнесла она, прострелив ему сердце бело-синим пучком плазмы. Однозарядная «Ярость» Гидрака считалась оружием дуэлянтов, но Кидонийской сестре всегда хватало одного выстрела.

Симокатта сполз на пол, уронив каталку и разбив когитатор. Изображение на энтоптических экранах безумно задергалось, покрывшись вьюгой помех. Умирая, мастер кодов тянулся к ней скрюченными пальцами, но его лицо уже посинело, внутренние органы сгорели в плазменном огне, и вот-вот должна была наступить мозговая смерть.

Выходя из комнаты, Аврора вызвала на сетчатку одного из глаз изображение, передаваемое роем мушек-шпионов. Транспортник типа «Арес», надежная рабочая лошадка, прорывался сквозь облака, гонимые ревущими атомными ветрами, поднявшимися после детонации ядра реактора в кратере Поллака.

— Как нестабильно, — произнесла она, имея в виду траекторию полёта. «Арес» болтало и встряхивало в воздухе. — Ему тяжело приходится.

Наконец, транспортник приземлился на участке, обозначенном ими в качестве зоны посадки. Его забитые радиоактивной пылью двигатели, несколько раз издав чихающий звук, окончательно заглохли. Аврора приблизила изображение в области кабины, но из-за бури ей удалось разглядеть лишь смазанные очертания пилота.

Тут же раздался придушенный крик из комнаты Гидрака.

Убрав «Ярость» в кобуру, Аврора подбежала к нему. Гидрак, с расширившимися от ужаса глазами, бился в фиксаторах гравикресла. Пот стекал с него целыми реками. Как только Аврора расстегнула ремни, он почти взлетел на ноги, но тут же чуть не упал.

Она поддержала его, зная, что разум и тело Гидрака ещё не подстроились друг под друга.

— Нужно убираться отсюда, — приказал он. — Сейчас же!

Аврора тащила Гидрака по коридору бункера, пока его измученный организм пытался справиться с последствиями прожигания в сознании после подключения и травмами, полученными во время взлома адепта Дуку. Кожа, по-прежнему мертвенно-бледная, пылала от лихорадочного жара, дыхание оставалось учащенным.

— Тебе нужно успокоиться.

Гидрак помотал головой, хватая воздух.

— Нужно уходить. Нужно спастись.

Он поднял голову, во взгляде сквозило отчаяние.

— Твой спидер?

— Подготовлен и ждет, — ответила Аврора. — Мы точно должны так резко сваливать?

Гидрак кивнул, слишком измождённый, чтобы говорить.

Они доковыляли до траншеи. Снаружи ураганные ветра гнали облака удушливой пыли, и Гидрак прижал куфию к лицу. Мушки-шпионы Авроры по-прежнему передавали изображение кабины «Ареса», и она увидела, как из-под откинувшегося фонаря выбирается плотный пилот транспортника. Несколько выверенными движениями он спустился вниз, почти не обращая внимания на ярящуюся бурю.

Любой, кто мог так управлять своим телом, беспокоил её.

— Кто прилетел на «Аресе»? — спросила Аврора.

Гидрак хотел что-то ответить, но тут же нахмурил брови в недоумении. Его глаза слезились от попавшего песка.

— Я не помню.

— Как это — ты не помнишь? — Аврора почти вытащила его из траншеи. Гидрак потряс головой, явно понимая в происходящем не больше неё.

Буря набирала силу, все тенты уже сорвало ветром, начали осыпаться края траншей. Лишь модуль нейрохирургии сопротивлялся атомному урагану, но Аврора уже поняла, что он им не понадобится. Миссия завершилась. Кто бы ни прилетел в транспортнике, он совершенно точно не был адептом Дуку.

Мысленной командой она активировала взрывпакеты, и хирургический модуль с грохотом исчез в раскаленном добела пламени, выпотрошенный заложенными под его днищем двумя мелта-плазменными зарядами. По крайней мере, это могло отвлечь неизвестного пилота и дать им достаточно времени, чтобы выбраться отсюда.

— Хвала Омниссии... — пробормотал Гидрак, увидев, как «Селезень» плавно поднимается из укрытия и разворачивается к ним вокруг своей оси.

— Это не я, — ответила Аврора, скорее разгневанная, чем удивленная. Купол электростатического щита раздвинулся над корпусом спидера и прикрыл их от ярости бури.

— Верно, это я, — произнес голос в её ухе, столь отчетливый, словно говорящий стоял прямо позади Авроры.

Кстати, так оно и было.

Уронив Гидрака, ассасинка развернулась на пятках, и оба иглопистолета прыгнули в её ладони, повинаясь электромагнитной привязи. Вот только в этот раз оружие пролетело мимо сжавшихся пальцев Авроры и оказалось в руках адепта в черных одеяниях, с откинутым на плечи капюшоном.

— Думаю, пока я их подержу, — заметил он.

Вместо ответа Аврора послала в него пакет враждебного кода, одновременно хватаясь за висящие на поясице клинки. В ту же секунду она с ужасом поняла, что не может и пальцем пошевелить, парализованная собственной атакой, которую отразил в неё адепт.

— Как ты это делаешь? — прорычала Аврора сквозь сжатые зубы.

— Это? — переспросил адепт, помахивая перед ней одним из похищенных пистолетов. — Это слабейшие из чар, доступных моему ордену. Но не беспокойтесь, госпожа Аврора, если бы мой наниматель желал вашей смерти, вы уже были бы мертвы. Что ж, перейдем к делу.

— Кто ты такой? — спросил Гидрак, сумевший подняться на колени. Аврора наблюдала за разворачивающимися событиями при помощи собственных чувств и сложного составного обзора мушек-шпионов.

Своими глазами она видела адепта с незапоминающимся лицом, но на изображении, поступавшем от роя, лишь её пистолеты висели в воздухе.

— Вопрос неправильный, — возразила Аврора. — Что ты такое?

— Меня зовут адепт Немоникс, и я в настоящее время служу инфопротектором у архимагоса Альхазена, — произнес незнакомец, и она попыталась удержать ответ в памяти. Его слова словно извивались в голове, их смысл казался столь мимолетным, что утекал подобно песку сквозь пальцы.

— Ты работаешь на Альхазена? — переспросил Гидрак.

— Как и вы с настоящего момента, если хотите жить, — ответил Немоникс.

— Но почему?

— О, прошу вас, адепт Гидрак. Вы же считывали информацию из когитатора.

— Нет, это невозможно, — Гидрак покачал головой. — Легенды об архимагосе Телоке — это просто... легенды. Он давным-давно мертв.

Немоникс развел руками и пожал плечами с таким видом, словно истинность или ложность утверждений Гидрака не имела никакого значения.

— Мой работодатель считает иначе.

Затем инфопроктор чуть склонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то понятному лишь ему одному. Подняв глаза, Немоникс улыбнулся.

— Видите? — он указал на маленькую яркую точку в небе, почти незаметную за вихрями пыльной бури. — Это циклонная торпеда, выпущенная с незарегистрированного фрегата типа «Деймос», висящего прямо над нами на ареостационарной орбите. Двигаясь с текущей скоростью, она поразит цель через девяносто семь секунд. Постарайтесь за это время принять предложение моего работодателя о сохранении вам жизни.

— Почему?

— Почему — что? Почему вы должны выбрать жизнь, а не смерть? Честно говоря, этот вопрос лучше задать технотеологам, или, зная ваше глубокое презрение к ним, адепт Гидрак, какому-нибудь имперскому проповеднику. В любом случае, у нас слишком мало времени для обсуждения столь серьезных философских проблем.

— Почему мы вообще можем выбирать? — уточнил Гидрак.

— Ваши жизни или смерти не имеют для меня никакого значения, но вас посчитали подходящими людьми. Некоторые навыки вообще делают вас завидными сотрудниками.

Аврора ощутила, как спадают с тела двоичные оковы, и контроль над аугментикой возвращается к ней. Перевернув пистолеты, адепт Немоникс протянул их ассасинке рукоятками вперед.

Оптические анализаторы угроз сообщали, что противник совершенно безопасен и Аврора может убить его за один вдох.

Её нутро утверждало, что Аврора умрет, прежде чем шевельнется в сторону адепта.

— Предложение принято, — ответила она, забирая пистолеты и вкладывая их в кобуры.

— Что?! — вскрикнул Гидрак. — Нет!

— Принято, — повторила Аврора. — Я связана с тобой жизнью, Гидрак, и не могу допустить твоей гибели. Если единственный способ обеспечить выживание — договориться с Альхазеном, то пусть будет так.

— Наичудеснейшее решение, — прокомментировал инфопроктор, поглядывая на снижающуюся боеголовку. — Теперь я бы на вашем месте немедленно сел на этот замечательный спидер и убрался подальше отсюда.

— Ты нас отпускаешь? — поразился Гидрак.

— Пока что, да, но грядет эпоха перемен, — ответил Немоникс, скрываясь за стеной бури. — Когда она опустится на Марс, вас призовут. Если вы не отзоветесь, то это приведет к скверным последствиям.

А затем он исчез.

Подняв Гидрака с колен, Аврора почти закинула его в заднюю кабину «Селезня», сама запрыгнула на место пилота, загерметизировала фонарь и отключила электростатическое поле. Воюющие ветра немедленно врезались в борта спидера, но он, расправив чаячьи крылья, рванулся вперед.

Инерционное кресло едва успело охватить Аврору, когда она вывела двигатели на полную мощность и спидер вылетел из кратера.

Аврора уверенно держала «Селезня» на сверхмалой высоте, стараясь оставить между ними и грядущей ударной волной как можно больше скал, хребтов и возвышенностей.

Вторая колоссальная вспышка озарила марсианскую пустыню.

Сияющий купол раскаленного добела огня от объемного взрыва обратил чашу кратера Бужье и всё находившееся внутри неё в расплавленное стекло.

— На что мы только что подписались? — спросил Гидрак сдавленным голосом, с трудом перенося ускорение.

— Не знаю, — ответила Аврора. — А что там за история с Телоком?

— Они думают, что он возвращается.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660362>